

ТЕОРИЯ ДИВЕРГЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДА С РОССИЕЙ

КОНСТАНТИН ХУДОЛЕЙ

ЮРИЙ КОЛОТАЕВ

ГРИГОРИЙ ЯРЫГИН

ЕВГЕНИЙ КОЛОСКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Повышенная неопределённость и конфликтность на международной арене стимулируют центробежные тенденции внутри политических элит различных стран. Эти процессы, объединённые термином «межэлитная дивергенция», приводят, в частности, к образованию разделительных линий по вопросам внешней политики. Деградация связей между элитами проявляется в трёх стадиях дивергенции: сегментации, фрагментации и поляризации. Сегментация предполагает разделение элиты на группы с сохранением контактов между ними. Фрагментация указывает на более глубокий разрыв, при котором между элитами исчезают постоянные связи и кооперация становится ограниченной или ситуативной. Поляризация характеризуется полным разрывом коммуникации и формированием взаимоисключающих позиций. Раскрытие каждой из стадий дивергенции возможно при опоре на три ключевые переменные: согласованность, лидерство и интегрированность. Подобная классификация помогает частично избежать упрощения в оценке состояния элит. В статье применяется разработанная классификация к анализу дивергенции элит в Европейском союзе и США, а также рассматриваются разногласия внутри этих элит по отношению к России. В 2014–2022 годах они привели к сегментации и фрагментации элит Евросоюза по вопросу санкций, но не к их ослаблению. В США признаки поляризации были частично спровоцированы разделительными линиями по вопросу отношений с Россией и отразились в большей степени на внутривнутриполитическом процессе. Несмотря на внешнюю противоречивость, преемственность общего курса американской политики сохранилась. Приводимые примеры показывают, что теория дивергенции позволяет зафиксировать глубину дискурсивных расхождений, при этом противоречия не предопределяют неизбежность политической дисфункции. Учёт стадий дивергенции даёт возможность выйти за пределы простой дихотомии «конфликт–кооперация» в рамках анализа межэлитного взаимодействия.

Ключевые слова:

дивергенция; элиты; разделительные линии; сегментация; фрагментация; поляризация; внешняя политика; Россия

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01280, <https://rscf.ru/project/24-28-01280/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2025

Дата принятия к публикации: 14.06.2025

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: yury.kolotaev@mail.ru

Значительная степень неопределённости и повышенной конфликтности в международных отношениях обусловлена такими факторами, как усиление многоуровневых кризисов [Энтин, Энтина, Бабкина 2024; Громыко 2020; Lebedeva 2022], трансформация международных организаций [Dijkstra, Debre 2022] и ухудшение качества взаимодействия между ключевыми глобальными игроками [Мизин 2020; Романова 2024]. На этом фоне внутри политических элит различных стран усиливаются центробежные процессы, иначе обозначаемые как *межэлитная дивергенция*. Они выступают важным обстоятельством в формировании государственной политики на международной арене.

Нередко этот процесс дивергенции представляется как бинарное явление, не имеющее развёрнутой градации. Межэлитный баланс выражен в рамках простой дихотомии «сотрудничество–конфликт» с незначительными вариациями распределения [Cheek, Hamrin 2023; Engelstad 2009]. Подобная позиция подходит для упрощённых моделей, объясняющих базовые механизмы политической динамики. Но в случае внешнеполитических процессов принципиальным является более точное определение состояния элиты с точки зрения её внутренней сплочённости. В данном исследовании межэлитный баланс рассматривается как разновидность разобщённости – от сегментации до поляризации позиций. Подобный подход позволяет более точно определить уязвимости в процессах построения кооперационной и консенсусной модели поведения среди элит.

Дивергенция приводит к формированию разделительных линий, которые могут ослаблять позиции одних и усиливать статус других политических групп. Исследование динамики межэлитного взаимодействия по вопросам внешней политики даёт возможность глубже понять источники международной напряжённости и причины роста нестабильности в межгосударственных отношениях, а также избежать упрощённого понимания межэлитного баланса.

С точки зрения применяемых теоретических концепций авторы настоящей статьи прибегают к синтезу неоэлитистских и демоэлитистских подходов. В частности, присутствует демоэлитистский фокус на политических избираемых элитах и лидерах, взаимодействующих с остальной частью населения через демократические институты и инструменты (демократия как метод управления) [Körösiényi 2018; Сухонос 2022]. Легитимация решений подразумевает гражданскую вовлечённость, которая имеет для системы скорее процессуальный характер. Вместе с тем акцент на внешнеполитической проблематике ставит во главу угла разграничение позиций во власти и реальном влиянии, что особенно актуально для многокомпонентных структур влияния, например наднационального регулирования. По этой причине в данной работе присутствуют неоэлитистские тезисы об особом положении одних политических групп по отношению к другим. В широкой перспективе подобное положение ситуативно и не является постоянным, что способствует сближению неоэлитистских положений с демоэлитизмом. Комбинация подходов обусловлена стремлением отразить динамизм, определяющий межэлитный процесс принятия решений в сфере внешней политики.

В статье применяется кейс-стади, который позволяет выявить и проанализировать примеры формирования и углубления разделительных линий внутри политических элит. В качестве примеров рассматривается политика Евросоюза и США в отношении России в период с 2014 по 2022 год. Применение кейс-метода также даёт возможность рассмотреть специфику данных процессов в национальных и наднациональных политических системах. Изучение отдельных случаев способствует выявлению типологий взаимодействия между элитами, а также условиями формирования консенсуса – устойчивого или неустойчивого.

Дополнительно в работе применяется агентное моделирование [Дегтерёв 2016] для имитации поведения отдельных сег-

ментов политических элит в условиях конфликтной или консенсусной динамики. Данный метод позволяет наглядно представить взаимодействие различных групп внутри элиты в рамках общей политической структуры, выявляет закономерности их поведения и определяет условия, при которых разделительные линии могут привести к конфликту или сохранить пространство для компромисса. Моделирование разделительных линий обеспечивает более точную оценку рисков внутриэлитных конфликтов для внешней политики и подкрепляет прогноз возможных сценариев развития в зависимости от изменений политического курса. Комбинация этих двух методов содействует не только анализу конкретных примеров, но и теоретическому обобщению результатов с применением моделей, отражающих ключевые закономерности межэлитного взаимодействия.

Статья включает в себя четыре раздела. В первой части рассматриваются общие характеристики теории элит, а также вводятся ключевые переменные дальнейшего анализа. Во втором разделе они дополняются особенностями межэлитного взаимодействия по вопросам внешней политики. Третий раздел описывает концептуальные основы предложенной авторами классификации межэлитной дивергенции. В четвёртом разделе отражены результаты кейс-стади на основе двух примеров: Евросоюза и США. В заключении представлены общие выводы о значимости дифференцированного подхода к межэлитному взаимодействию.

Теоретические подходы к изучению политических элит

Изучение политических элит остаётся одним из центральных и исторически укоренившихся вопросов политических исследований. В широком смысле речь идёт о социальной группе, обладающей властными компетенциями в рамках политической системы, подразумевающими влияние (прямое и косвенное) на процесс принятия политических решений. Ключевые должности в правительстве, военных, экономи-

ческих или других ключевых секторах общественной жизни предоставляют элите доступ к власти, непубличной информации и возможностям формировать политику, затрагивающую как национальное, так и международное пространство.

С точки зрения классических теорий элит образование доминирующих социальных групп сопряжено как с чётким разграничением между правящими и управляемыми [Моска 2012], так и с «циркуляцией», в ходе которой новые элиты сменяют старые, поддерживая непрерывность системы [Парето 2011]. Эти принципы скрепляются сформулированным Робертом Михельсом «железным законом олигархии» [Michels 1999], согласно которому все общественные структуры неизбежно становятся олигархическими, поскольку власть сосредоточивается в руках нескольких лидеров.

Современные подходы к исследованию элит охватывают всё более широкие представления о её структуре, как правило, через призму взаимосвязей и сетей влияния [Keller 2018]. В частности, категория политической элиты включает в себя не только избираемых или находящихся у власти лидеров, но и другие влиятельные группы [Амуров 2020; Friedman, Reeves 2020], такие как бюрократия, политически значимые интеллектуалы и аффилированные с политическими течениями фигуры. Между собой все они не только сотрудничают, но и могут вступать в конфликт из-за конкурирующих интересов. В этой связи внимание акцентируется на изменчивости поведения элит в различных контекстах, зависящих от внешних и внутренних переменных. Исследователи также изучают «рекрутирование» новых членов [Matsumoto, Okazaki 2023; Gaman-Golutvina, Soloveva 2021] в зависимости от общей динамики элитных групп.

Сторонники конструктивизма отвергают идею статического анализа политической власти [Najimdeen 2016; Alexandrova 2021]. Подобный подход к текущему состоянию политических элит указывает на то, что влияние доминирующих политических групп осуществляется не только благодаря

реальной власти, но и через распространение норм, идеологий и социальных значений, которые определяют, в частности, внешнеполитические решения. Эти наблюдения особенно релевантны в отношении той части элиты, которая находится в оппозиции [Clayton 2021]. Сохраняя нормативное влияние, она продолжает оказывать воздействие на политический курс посредством мобилизации населения или через аффилированные политические структуры.

В классических и современных теориях подчёркиваются разные механизмы поддержания доминирования элит, позволяющие при помощи иерархичной структуры сохранять власть. Тем не менее структура политической элиты подразумевает внутреннее деление. Оно проявляется по сферам влияния, статусу и властному положению [Амуров 2020; Головин, Головина 2023]. Особенно остро встаёт вопрос в последнем случае. В рамках элитологии данный феномен обозначен через категории лидерства. Занимаемое элитой особое *положение* в обществе может контрастировать с реальной *способностью* «мобилизовать человеческие ресурсы для достижения конкретных целей» [Fukai, Fukui 1992: 25], которая и подразумевает лидерство. Именно оно проводит внутренние рубежи, отделяющие элиту, способную влиять на политические решения, от элитных групп, находящихся в привилегированном положении, к примеру, из-за вхождения в правительственные иерархии, но не имеющих доминирующего политического веса.

При определении границ элиты важное место занимают не только внешние, например доступ к власти, но и внутренние параметры. Первые позволяют разграничить привилегированные и непривилегированные группы граждан [Higley 2021], а вторые демонстрируют множественность самой элиты [Kertzer, Renshon 2022]. Когда речь

идёт о структуре влияния на политические процессы, множественные элиты¹ формируют единое пространство принятия решения. В этом пространстве категория лидерства становится ключевой при условии, что кооперация между элитами совпадает с параметрами консенсуса [Higley, Burton 1989], что, в свою очередь, обеспечивает эффективность процесса принятия решений. Между тем меж- и внутриэлитное взаимодействие неизбежно ведёт не только к консенсусным решениям, но и серьёзным конфликтам. Комплексная среда принятия решений вызывает несовпадение интересов, что становится предпосылкой как для снижения согласия, так и усиления *дивергенции*, сопоставимой с аналогичной динамикой в социальном пространстве.

Социальная дивергенция означает растущее разделение групп внутри общества и отдаление между ними [Domingues 2022]. В широком смысле такое явление возникает из-за неравного доступа к социально-политическим ресурсам, формирующим стратификацию общества. Отдаление социальных групп проявляется в различных формах, таких как расслоение, неравные возможности и политическая исключённость, что в конечном счёте приводит к разделительным линиям в обществе. Дивергенция существует и внутри элит, что связано с расхождением идейных приоритетов, интересов и целей отдельных групп в её составе [Murgick 2021; Green et al. 2020]. Её конфликтный потенциал может привести к подрыву политической стабильности.

Такая динамика между элитами усиливает борьбу за контроль над ресурсами и влиянием, что делает её фрагментированной. Средством преодоления дивергенции является воссоздание пространства «консенсуса ценностей» и «структурной интегрированности» элит [Higley, Burton 2006]. Их же отсутствие порождает диспропорции

¹ Подразумевается, что «элита» (в широком смысле) многокомпонентна и включает негомогенные подгруппы. Особенно когда речь идёт про наднациональные элиты (Евросоюз). В этом случае нельзя говорить про единственную группу элит, так как существует явный контраст между национальными лидерами и евробюрократией.

в системе управления, результатом которых становится политическая стагнация или межэлитная борьба, втягивающая и остальное общество.

Таким образом, при оценке взаимодействия элит ключевыми категориями выступают соотношения кооперации и дивергенции, различия между способностью к управлению и занимаемым положением, а также комбинация внутренних связей и общности установок. Сложившаяся конфигурация этих параметров задаёт общую динамику для межэлитного взаимодействия и определяет дальнейший характер принятия решений.

Особенности межэлитного взаимодействия в вопросах внешней политики

Консенсус, дивергенция и множественность элит приобретают особое значение при рассмотрении внешнеполитической деятельности. При этом консенсус, кооперация и конфликт, как правило, интерпретируются как состояния, тогда как конвергенция и дивергенция — как процессы, обуславливающие переход между этими состояниями. В этой плоскости данные категории способны влиять на *интерпретацию международных событий*, а также играть центральную роль в *разработке и реализации внешней политики* государства.

Используемые политическими группами нарративы являются ключевым средством влияния и индикатором в анализе интерпретативных способностей элиты, в частности контекстуализации мировых процессов или определении повестки дня [Saunders 2022; Dellmuth, Tallberg 2023]. В конкурирующих политических системах элиты, влияя на групповое восприятие, «направляют» общественное мнение в вопросах внешней политики [Lupton, Webb 2022]. Формирование внешнеполитического выбора на основе артикулируемого элитой видения мирового порядка, национальной идентичности и международных угроз [Kertzer, Zeitzoff, 2017] делает дискурсивное пространство важным источником данных о динамике её политических позиций и их трансляции на общество.

Вместе с тем способность определять стратегические цели, проводить переговоры с международными партнёрами и управлять внешнеполитическими институтами формирует основу практического, а не дискурсивного влияния на внешнюю политику. Оно напрямую связано со структурой внутренних отношений между элитами [Saunders 2022], что подчёркивает важность пересечения приоритетов их сегментов, равно как и публичный отклик на их интересы [Cunningham, Moore 1997]. Об этом свидетельствует и изучение механизмов формирования консенсуса внутри элиты [Arbatli, Rosenberg 2021], констатирующее зависимость подобных процедур от политического устройства.

Проводимая во внешней политике интерпретация событий и реализация действий сопряжены с особой конфигурацией вовлечённости граждан в международные процессы. Во внешнеполитическом планировании элита занимает определяющее место, в то время как общественность включается в процесс постфактум «между моментом согласования позиций элитой и воплощением решений на практике» [Sanders 1980: 124]. Иначе говоря, общественная легитимация происходит в ответ на уже сформированное унифицированное решение.

Эта связь работает эффективно при наличии высокой степени кооперации и единства элит. В публичном дискурсе о внешней политике наблюдается зависимость между типом политической элиты (партийные лидеры, чиновники, эксперты) и степенью доверия общественности [Lupton, Webb 2022]. Подобная тенденция определяет разную роль во внешнеполитическом планировании для составных элементов элиты, зависящую от национального контекста.

В случае же дивергенции проникновение несогласованных решений в публичную сферу подрывает его легитимность и вызывает общественное противодействие. В частности, речь может идти о публичных или сетевых манифестациях против подобных мер. Несмотря на то что элиты сами

склонны извлекать выгоду из социальной разобщённости [Alder, Wang 2022], внутренние конфликты приводят к нестабильности или стагнации политического процесса, что частично наблюдается на примере США, рассматриваемом в заключительном разделе работы.

Структура взаимодействия элит дополнительно усложняется в случае пересечения национальной системы с наднациональным влиянием или межгосударственным процессом принятия решений [Henriksen, Seabrooke 2021]. Глобальная координация элит в рамках транснациональных организаций, экономических форумов и дипломатических встреч образует многоуровневую систему консенсуса и конкуренции, что наблюдается в политической системе ЕС.

Разнообразие внешнеполитических интересов, подобных тем, что сосуществуют в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС [Hill 2008; Lamoso-González 2024], изначально повышает риски дивергенции. В этих условиях координация внутренних интересов дополнена необходимостью согласовывать межгосударственные приоритеты. По этой причине в Брюсселе особенно заметна борьба за консенсус в условиях, когда политические элиты государств-членов конкурируют друг с другом и с институтами Евросоюза [Jackson, Jolly 2021]. Несмотря на риторику сплочённости, национальные интересы часто провоцируют дивергенцию и конкуренцию, что приводит к фрагментарности процесса выработки политики.

Таким образом, понимание внутриэлитной динамики имеет решающее значение для анализа её роли в формировании политических процессов, а также изучения поведения страны в международных отношениях. В отдельных случаях несогласованная интерпретация актуальных проблем или динамики отношений с партнёрами рождает раздробленный подход к внешней политике, который колеблется между конфликтом и сотрудничеством [Loizides, 2009]. Подобные тенденции заметны и в пространстве Евросоюза, особенно между государствами с разными ценностными

ориентирами. Дивергенция внутри элит нередко отражает и более глубокие разделения по вопросам национальной идентичности и стратегии.

Всё вышперечисленное подтверждает, что элита, являясь неоднородной и многослойной социальной структурой, имеет центральное положение в установлении внешней политики. В результате дивергенции позиций во внешней политике формируется неустойчивая среда, что в отдельных случаях создаёт предпосылки для противоречивого или непоследовательного поведения государства. При этом межэлитный раскол представляется динамичным и многовекторным. В этой связи принципиальным вопросом выступает системное отражение основных векторов формирования межэлитных разделительных линий в случае их дивергенции.

Структура и компоненты сегментации, фрагментации и поляризации политических элит

В условиях глобальной нестабильности для элитологии важно изучать не только проблему сохранения и поддержания межэлитного консенсуса, но и обратную сторону этого взаимодействия. Понимание природы и структуры разногласий является оптимальным способом для выстраивания образа элиты и выявления принципов её поведения во внешней политике. В этой связи требуется расширение проблемного поля и введение в оборот понятия «разделительные линии», отличного от категории «дивергенция». Если последняя касается лишь динамики размежевания в рамках элиты, то разделительные линии фиксируют (тематические) области дискурса, в которых закрепляется такое разграничение [Khudoley, Kolotaev 2024]. Кроме того, этот термин позволяет определить глубину разрыва в конкретной области, которая может не переноситься на другие темы.

Политические сообщества нередко сталкиваются с линиями раскола, при этом разделение среди элит характеризуется неоднородностью. В социально-гуманитарных науках сформировался набор поня-

тий, которые описывают различные аспекты этого явления. Наиболее значимыми среди них являются «*сегментация*», применяемая в экономике для анализа рынков [French 2017; Shavitt et al. 2016], «*фрагментация*», заимствованная из изучения цифровых систем [Dahlberg 2007; Schäfer, Metag 2021], и «*поляризация*», получившая популярность благодаря росту популизма в странах Запада [Borg 2024; Merkley 2022; Rogowski, Sutherland 2016]. Эти термины могут использоваться как по отдельности, так и в связке, но в полной степени их системное осмысление пока не проведено. Между тем градация различных уровней дивергенции важна для понимания раздельных линий: она позволяет выделить критерии, необходимые для теоретического и эмпирического анализа взаимодействий между элитами.

В этой связи приоритетным вопросом становится систематизация указанных понятий. Все формы социального размежевания характеризуются прогрессирующей степенью *снижения контактов* между политическими группами и увеличивающимся уровнем их *идейно-идеологической разобщённости* [Merkley 2022; Rogowski, Sutherland 2016]. Сменяемость стадий в рамках этих двух тенденций можно структурировать через обращение к трём основным переменным, введённым в первом разделе работы:

1) *лидерство*: элита как привилегированная группа по положению или обладанию реальной «способностью влияния» на политический процесс [Fukai, Fukui 1992]. Более конкретно оно выражается в соотношении дискурсивной и фактической власти, то есть возможности в первом случае только вербально выражать позицию или возможности реализовывать намерения с последующей интерпретацией для народных масс во втором случае;

2) *согласованность*: сочетание в рамках взаимодействия элит кооперации и кон-

сенсуса или кооперация без консенсуса [Green et al. 2020]. Речь идёт о наличии единой интерпретации последствий и предпосылок какой-либо политики. Возможен консенсус без кооперации при отсутствии лидерства;

3) *интегрированность*: наличие или отсутствие ценностной близости и структурной сплочённости [Оськина 2020]. Она отражает не процедурный, а идеологический аспект межэлитного взаимодействия, а именно: наличие единых представлений о должном и желаемом в политике.

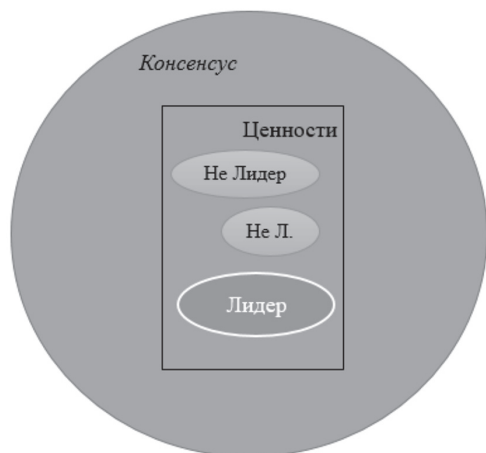
Результирующая из этих трёх переменных дивергенция варьируется от фактического отсутствия размежевания до его предельной степени, выраженной в трёх базовых сценариях закрепления раздельных линий: сегментации, фрагментации и поляризации.

Первая представляет собой наименее опасную для консенсуса стадию, в ходе которой происходит разделение на группы с сохранением контактов между ними. Самой естественной формой сегментации является разделение по вопросам лидерства [Alvesson 2019]. Имеется в виду наличие или отсутствие фактического влияния, составляющего первичную основу для выстраивания отношений между властвующими и оппозиционными элитами. В той или иной форме сегментация – это естественное свойство любой политической системы с множественными (суб)элитами². Она обычно связана с идеологическими различиями, отражая границы в вопросах ценностей [Maunard, Mildenerger 2018; Merkley 2022]. Это разделение ещё не означает полного разрыва общения, но создаёт предпосылки для формирования замкнутых информационных пространств и усложнения коммуникации.

С точки зрения согласованности сегментация сильно отличается от других видов дивергенции. Принципиальный консенсус по рассматриваемому вопросу сопрово-

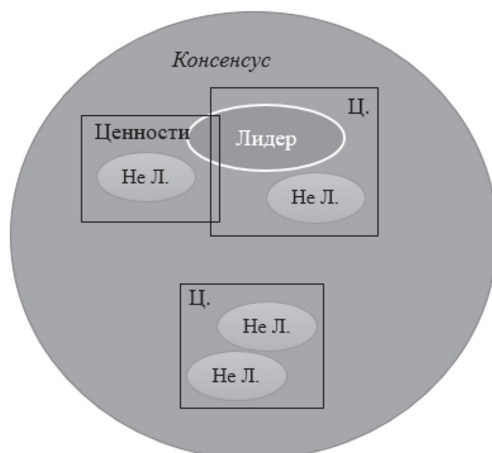
² Часть элиты, которая обладает меньшим влиянием. Включает в себя людей, занимающих высокие неполитические должности, но не принимающих непосредственного участия в принятии решений.

Рисунок 1
Слабая сегментация

Источник: составлено авторами.

Рисунок 2
Сильная сегментация

Источник: составлено авторами.

ждается кооперативной деятельностью. Когда речь идёт о различиях в интегрированности и лидерстве, мы имеем дело со слабой (рис. 1) и сильной (рис. 2) сегментацией, в то время как сохранение консенсуса отделяет сегментацию от более глубоких разделительных линий.

Моделирование сегментации позволяет определить, как в рамках подобной формы дивергенции закрепляются разделительные линии. Их основным предметом выступают ценностные и лидерские аспекты. Но из-за сохранения общего консенсуса нет оснований полагать, что отдельно взятая проблематика в рамках внешнеполитического планирования или другой сферы общественно-политической жизни ведёт к разрыву связей между элитами. Иначе говоря, основным индикатором сегментации остаётся сохраняющаяся возможность конструктивного и регулярного общения между группами.

Следующей стадией дивергенции является фрагментация, когда межгрупповые связи ослабевают или полностью исчезают. Она отражает отход от диалога и формирует обособленные группы, каждая из которых укрепляет свои собственные интересы, цели и границы [Колосов, Зотова 2022].

При этом возможны временные формы сотрудничества, но постоянные связи уже нарушены.

В подобной ситуации отдельно взятый вопрос политической повестки провоцирует более острую конфронтацию, выражающуюся уже на уровне связи между лидирующими и оппозиционными элитами [Arriola et al. 2021]. Фрагментация нередко возникает именно из-за подрыва лидерства или его оспаривания. Вопрос статуса становится основой для дальнейшего разрыва консенсуса, который подкрепляется дезинтеграцией структурных и ценностных связей. В условиях фрагментации политические элиты могут сохранять формы сотрудничества, однако пространство совместного консенсуса существенно сужается, что ограничивает спектр тем для возможной кооперации (рис. 3 и 4).

Фрагментация снижает межэлитную солидарность, при этом фактор согласованности играет решающую роль, в то время как интегрированность элит определяет границы между слабой (см. рис. 3) и сильной (см. рис. 4) фрагментацией. Разделительные линии в такой ситуации фиксируются прежде всего на границах возможности установить общие зоны консенсуса.

Рисунок 3
Слабая фрагментация

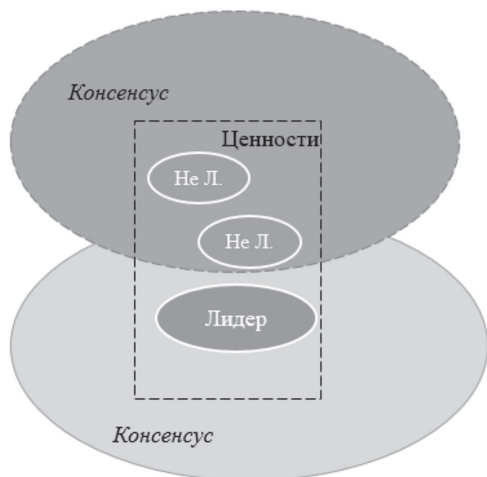
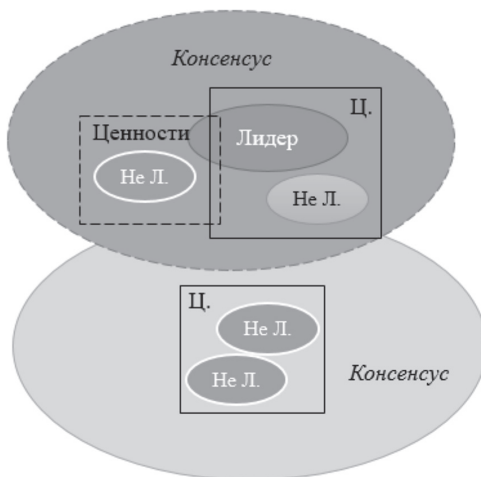

Рисунок 4
Сильная фрагментация

Примечание. Появление пунктира фиксирует размывание ценностного аспекта в кооперации, обнаруживается брешь в согласованности действий, статус лидера размывается, а появление альтернативного консенсуса означает, что пространство межэлитного диалога сокращается.

Источник: составлено авторами.

Они могут дополняться и усилением внутренних ценностных и лидерских разногласий в условиях общего снижения договороспособности элит. Таким образом, сведение межгрупповых коммуникаций до уровня минимальной необходимости и риторическое обособление групп становятся индикаторами фрагментации. Тем не менее в отличие от поляризации элиты в процессе фрагментации способны сохранять пересекающиеся интересы, что позволяет поддерживать спорадическую кооперацию и координацию без устойчивых связей и широкого консенсуса.

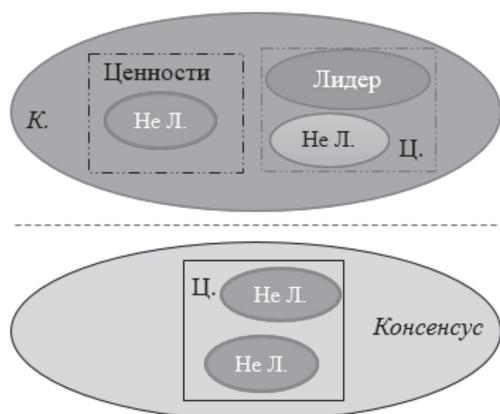
Поляризация же представляет собой наиболее конфликтную стадию межэлитного взаимодействия. Она закрепляет разрыв в обществе и ведёт к формированию противоположных позиций, которые зачастую становятся источником прямых конфликтов между элитами [Лебедев, Гордякова 2021]. В этот момент происходит окончательный разрыв коммуникации и создание альтернативных нарративов, которые углубляют существующие раско-

лы. Поляризация может быть обусловлена как идеологическими расхождениями, так и эмоциональными факторами, такими как межличностная конфронтация.

Её наиболее характерной чертой становится эрозия каждой из переменных: лидерства, согласованности и интегрированности. Если в условиях сильной фрагментации формальный диалог функционирует, а остаточные признаки лидерства «по положению» ещё сохраняются, то в случае поляризации каналы коммуникации прерываются: элиты действуют дискретно, а не просто автономно по отношению друг к другу. Дистанция между ними достигает предела, что проявляется в фактическом прекращении переговоров, координированных инициатив и согласованных решений.

Элиты оспаривают лидерские позиции друг друга: наблюдается разрыв не только консенсуса, но и кооперации, а также исчезает/размывается структурная или ценностная связь (рис. 5). В условиях поляризации любой из факторов может стать

Рисунок 5
Поляризация

Примечание. Любой из параметров дивергенции может стать решающим для установления поляризации, например, из-за лидерства, отсутствия согласованности, подрыва интегрированности или всей совокупности факторов.

Источник: составлено авторами.

решающим при формировании разделительных линий и перекинуться на смежные пространства. Важной чертой поляризации становится увеличение шаблонности и догматичности суждений и заявлений [Almagro 2023]. Принадлежность части элиты к одному из конфликтующих лагерей становится поводом для фиксации статуса идейного оппонента. Такая тенденция блокирует возможность хотя бы фрагментарной кооперации по вопросу, вызвавшему прямой разрыв связей.

В своих крайних формах она ведёт к стагнации политического процесса, нарушению процедур принятия решений, а также социальному недовольству [Arbatli, Rosenberg 2021]. Поляризация по отдельному вопросу внешней и внутренней политики может стать поводом для деградации межэлитных связей в более широком плане, что при активном использовании дискурсивной власти лидирующих и оппозиционных элит увеличивает вероятность угрозы масштабного общественного конфликта. Нередко это явление сопровождается деградацией культуры политической

коммуникации [Almagro 2023], подхватываемой широкой общественностью.

Разобщение, создание альтернативных нарративов и прямой конфликт на основе противоположных убеждений выступают центральными индикаторами поляризации, что делает саму фазу системно нестабильной. Шаткость состояния и риск эскалации ведут либо к политическому коллапсу (в негативном сценарии), либо к воссозданию системного равновесия (в положительном сценарии), сопровождаемого переходом к менее политически опасным стадиям разобщённости.

Таким образом, сегментация, фрагментация и поляризация описывают разные уровни деградации межэлитных связей. Правильное соотношение отдельных примеров с характеристиками каждой из стадий дивергенции снижает степень некорректной интерпретации состояния межэлитной динамики. В частности, поляризация, в отличие от фрагментации, указывает на критическое состояние элиты, когда восстановление консенсуса становится труднодостижимым. Сегментация свидетельствует о незначительных расхождениях, не способных нанести на момент их фиксации серьёзный ущерб политическому процессу, если он не деградирует до фрагментации.

Существенным для понимания предложенной классификации стадий дивергенции остаётся вопрос перехода между ними. На практике каждая из стадий не является статическим состоянием, а лишь фиксирует набор признаков и индикаторов, о которых речь шла выше. По этой причине движение между ними может проходить как по линейному (восходящая и нисходящая дивергенция), так и по нелинейному принципу (скачки от сегментации к поляризации и обратно). Линейное движение отражает поступательное ухудшение или улучшение межэлитных взаимоотношений в силу планомерного расхождения интересов и нарративов в стабильных и преемственных политических системах. Нелинейная траектория может быть свойственна неустойчивым, новообразованным или деградирующим

политическим системам, сигнализируя низкую плотность внутренних межэлитных связей и слабую приверженность принципам соблюдения договорённостей.

При анализе дивергенции необходимо учитывать репрезентативность элит, факторы (экономические, культурные или политические), вызывающие раскол, а также целый набор переменных, индивидуализирующих каждую из элит (географические, идеологические, демографические и другие) [Woods 1998]. Но важно отметить и некоторые ограничения предложенной классификации.

Во-первых, ситуативный межэлитный баланс рассматривается на конкретный момент времени, тогда как система из трёх стадий служит в качестве реперных точек для наблюдения изменений. Обозначенные идеализированные модели межэлитного баланса могут сильно варьироваться в зависимости от внутренних переменных: установление сильной и слабой разновидностей сегментации и фрагментации лишь частично снимает этот вопрос. В отличие от репрезентации межэлитных связей в рамках простой дихотомии «раскол—единство», в предложенной классификации уточняется, что в зависимости от контекста дивергенция способна по-разному влиять на коммуникацию элит и их способность принимать решения.

Во-вторых, фиксация разделительных линий в рамках предложенной классификации возможна лишь по наиболее очевидным рубежам на основе простой системы ключевых переменных: лидерства, интегрированности и согласованности. Вместе с тем возможны более сложные ситуации, когда элиты находятся в состоянии *существования форм дивергенции*, связанных с разными разделительными линиями, поскольку затронуты разные темы и интересы. Это обстоятельство затрудняет выстраивание принципов перехода от одной стадии дивергенции к другой.

Важен также вопрос о влиянии и активизации общественного мнения, стимулирующего или сдерживающего межэлитную дивергенцию. Данный фактор с точки зре-

ния предложенной модели относится к экзогенным («внеэлитным») переменным. Их конкретизация, равно как и развитие инструментария наблюдения перехода от одной стадии дивергенции к другой, формирует дальнейшую исследовательскую повестку.

В-третьих, моделирование всех форм дивергенции носит лишь схематичный характер: выделяются ключевые плоскости для формирования разделительных линий. Вместе с тем эта условность может быть устранена при интерпретации абстрактных состояний посредством конкретных ситуаций.

С учётом названных ограничений классификация состояний межэлитной дивергенции позволяет тем не менее снизить зависимость от ложной или идеализированной трактовки любого разногласия, зафиксированного в дискурсе. Эта возможность особенно ценна при анализе деятельности зарубежных элит, поскольку она расширяет возможности для интерпретации и потенциального реагирования на действия контрагентов.

Формирование разделительных линий во внешней политике: Россия как источник дивергенции в ЕС и США

Отношения с Россией остаются одним из наиболее характерных катализаторов, запускающих процессы дивергенции среди элит в странах Запада. В связи с антигегемонистским (многополярным) [Смакотина, Волков 2024; Гребнев 2023] внешнеполитическим курсом Москвы её статус в качестве контрагента рассматривается как проблемная тема для западного сообщества. Это явление находит прямое отражение в рамках межэлитного взаимодействия и попытках выработки внешнеполитического консенсуса.

Для анализа дивергенции западных элит в контексте отношений с Россией рассмотрим, как в ретроспективе Российская Федерация становилась фокусным сюжетом подобной дивергенции. Такой подход даёт некоторое понимание её актуального статуса в политике Запада, но не претендует на

исчерпывающее объяснение каждой из ситуаций. Основная цель – проиллюстрировать эвристические возможности классификации дивергенции для оценки степени расхождения действий и дискурса элит. Наличие разногласий не означает отсутствие совместных действий, например санкций, и минимального консенсуса. По этой причине сам факт дивергенции не является обязательным атрибутом политической дисфункциональности. Но понимание такого раскола открывает возможность для её потенциальной инструментализации во внешнеполитическом планировании.

Пример 1. Разногласия среди государств Европейского союза по вопросу санкций против России в 2014–2022 годах

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации и последующий кризис на юго-востоке Украины стали отправной точкой для появления не только антироссийского санкционного режима, введённого ЕС, но и для разногласий между его государствами-членами [Portela et al. 2021; Stolle 2024]. Характер санкций против России с самого начала выявил наличие разделительных линий, возникших на основе различий во внешнеполитических приоритетах, экономических интересах и восприятии угроз [Khudoley, Kolotaev 2024]. В этой связи интерпретация санкционных действий оказалась неоднородной, несмотря на общность цели – сдерживание Москвы. В результате проявились сегментация и фрагментация среди элит ЕС по отдельным сюжетам российской повестки.

В период с 2014 по 2020 г. сохранялся общий консенсус по поводу санкций как инструмента сдерживания, но существовали заметные различия в отношении их содержания и продолжительности, характеризующие первичную сегментацию. Частным примером стала разделительная линия между жёстким подходом восточных членов Евросоюза (Польша, Эстония, Литва, Латвия) и преимущественно прагматичным подходом Германии и Франции. Польша и страны Балтии, рассматривая Россию как непосредственную угрозу своей националь-

ной безопасности, активно поддерживали более жёсткие санкционные меры, неоднократно инициируя дискуссии об их сохранении и расширении до момента пересмотра Москвой своего курса [Portela et al. 2021; Kascian et al. 2024]. В то же время страны, исторически претендующие на лидирующие позиции в ЕС (Германия, Франция и частично Италия), до начала 2022 г. придерживались более прагматичного подхода [Чихачев 2022; Pertiwi 2024; Sjursen, Rosén 2017]. Берлин сохранял поддержку экономических проектов, таких как «Северный поток-2», который позволял поставлять газ в обход Украины. Этот проект вызвал напряжённость среди государств ЕС из-за его восприятия как угрозы энергетической безопасности Союза. Германия и Италия, имевшие значительные экономические связи с Россией, сдержанно шли на ужесточение санкций, опасаясь негативного воздействия на свою экономику. Выступая за продление санкций, они стремились сохранить возможность их пересмотра и смягчения в случае начала диалога с российской стороной.

Поддержание такого статус-кво во многом было обусловлено *лидерскими* параметрами межэлитного взаимодействия, при котором сторонники сдержанного подхода имели возможность сохранять *согласованность* сообщества при наличии сегментации по вопросам *интегрированности* позиций. Таким образом, в период 2014–2020 годов внутри ЕС формируется осознание общих внешнеполитических задач, однако подходы к их реализации остаются различными.

По мере увеличения давления и появления новых экономических вызовов – в частности, роста цен на энергоносители, инфляции, а также последствий пандемии COVID-19 [Спартак, Французов 2022] – подходы к санкционной политике против России в 2020–2021 годах на короткий промежуток времени стали расходиться в большей степени, иллюстрируя намечавшуюся по отдельным вопросам фрагментацию. Она отразилась в выборе различных стратегий взаимодействия с Российской Феде-

рацией: Берлин и Париж³ пытались наладить дипломатический диалог⁴, а Польша, страны Балтии и Северной Европы отстаивали продление санкций или их ужесточение [Kascian et al. 2024].

В этот же период в странах, где российский рынок важен для экспорта (Италия), представители бизнеса активно выступали за смягчение санкций, ссылаясь на экономические потери [Makaruchev, Terry 2020]. Экономические интересы стали основой для формирования новых коалиций внутри Европейского союза, и национальные правительства оказались под давлением представителей бизнеса, требующих пересмотра санкционной политики. Отдельные государства склонялись к частичным уступкам России для поддержки своих экономик, что привело к сужению консенсуса на наднациональном уровне и углублению разногласий.

Фрагментация в преддверии 2022 г. демонстрировала потенциальное уменьшение возможностей для устойчивого сотрудничества внутри ЕС. Подобная ситуация не означает, что исчезли общие позиции и консенсус относительно необходимости санкций. Но диалоговое пространство стало сокращаться, а компромиссы – всё чаще пересматриваться из-за экономических обстоятельств и позиции политических элит на уровне отдельных стран. Важным фактором, предотвратившим углубление фрагментации по санкционной политике ЕС, стали события 2022 года. Эскалация украинского кризиса позволила произвести реконсолидацию элит Евросоюза [Hooghe et al. 2024], что в то же время открыло новые темы для межэлитной дивергенции.

Пример 2. Политика США в отношении России: расхождения между элитами

В США после окончания «холодной войны» велась длительная дискуссия о ста-

тусе отношений с Россией [Неймарк 2020; Shakleina, Rogers 2018]. Часть элиты настаивала на необходимости сдерживания Москвы и ограничения её влияния в международных делах, а другая часть выступала за более конструктивный диалог и сотрудничество по вопросам, представляющим общий интерес, например борьба с терроризмом и контроль над вооружениями.

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. и в особенности президентских выборов в США 2016 г. разногласия среди элит по поводу внешнеполитического курса в отношении России усилились. Элиты раскололись на два противоборствующих лагеря, что частично стало прямым следствием восприятия взаимодействия с Москвой, а также обвинений в её адрес по поводу вмешательства во внутреннюю политику Соединённых Штатов [Ziegler 2018; Schultz 2017]. Консервативная часть элиты была обвинена в спекуляциях на тему восстановления диалога с Россией и смягчения санкций. Либерально-демократический блок акцентировал внимание на необходимости жёсткого сдерживания Москвы, рассматривая её как угрозу национальной и международной безопасности. Под его влиянием в 2017 г. Конгресс США обновил санкционный режим против Российской Федерации за предполагаемые кибератаки во время выборов 2016 года, «утвердив свою роль в формировании внешней политики вопреки позиции президента Дональда Трампа» [Böller, Herr 2020: 17]. Эта ситуация подчеркнула расхождение внутри американского истеблишмента, где Конгресс успешно секьюритизировал российско-американские отношения, несмотря на попытки Д. Трампа во время своего первого президентского срока «маргинализировать» этот вопрос. Раскол между исполнительной и законодательной

³ Berlin and Paris propose reset for EU relations with Moscow // Financial Times. 2021. URL: <https://www.ft.com/content/03528026-8fa1-4910-ab26-41cd26404439> (accessed: 19.01.2025).

⁴ Deni J.R. France Wants a Western Reset with Russia. What Should That Look Like? // Policy Commons. 2020. URL: <https://policycommons.net/artifacts/1341647/france-wants-a-western-reset-with-russia/1953769/> (accessed: 15.01.2025); Larison D. Germany's new chancellor is (rightly) taking a chance on Russia reset 2022 // Responsible Statecraft. URL: <https://responsiblestatecraft.org/letter-sent-to-biden/> (accessed: 15.01.2025).

ветвями власти продемонстрировал поляризацию американской элиты по вопросам политики в отношении Москвы.

Подходы к Российской Федерации при президентах Д. Трампе (2017–2021) и Дж. Байдене (2021–2025) также демонстрировали значительную внутриэлитную поляризацию [Bolstad, Riddervold 2023; Borg 2024; Singh 2024]. Дональд Трамп декларировал перспективы «реструктурирования» отношений с Россией, что встретило системное сопротивление внутри политической системы. Администрация Дж. Байдена заняла более конфронтационную позицию, направленную на прямое сдерживание Москвы, что контрастировало с заявлениями его предшественника⁵. Такое расхождение подчеркнуло укоренившиеся разногласия внутри американской элиты по вопросу отношений с Россией.

В отличие от ЕС, политический конфликт в США не просто зафиксировал разделительную линию по вопросам внешней политики, но и углубил её до положения, граничащего с поляризацией. В частности, дивергенция элит привела к резкому ухудшению социального и межэлитного диалога. Для части американского общества идея диалога и вовсе была дискредитирована, что вызвало маргинализацию отдельных социальных групп. Дивергенция при обсуждении действий в отношении России происходила не только по линии партийного деления, но отразилась и на балансе между внутрипартийными фракциями, что особенно затронуло республиканцев при определении партийного лидерства. Но даже при снижении уровня интегрированности партии принцип фрагментированного консенсуса сохранил партийное единство. Иными словами, элементы поляризации элит в 2015–2016 годах в Соединённых Штатах по российскому вопросу отрази-

лись не столько на внешнеполитической стратегии страны, сколько на её внутриполитической динамике. Эмоциональные и идеологические разногласия между политическими группами способствовали закреплению противоположных позиций и разделительных линий. При этом атрибуты поляризации затронули все основные области, включая пространство лидерства, согласованности и интегрированности. Вопрос лидерства напрямую проявился в противоречиях между группами, стремящимися реализовать свою власть и влияние на процесс принятия решений. В ходе выборов 2016 г. в США лидерство, в частности с точки зрения дальнейших отношений с Россией, стало фактическим предметом разногласий, что привело к расколу в обществе и повышенному алармизму. Интегрированность также была нарушена из-за распада ценностной близости между наиболее консервативными и либеральными элитами. Ценностная интерпретация возможности налаживания отношений с Москвой была сопряжена с разделительной линией между прагматизмом и нормативностью.

Таким образом, разрыв в ценностных ориентирах и кризис лидерства в США привели к частичной поляризации, которая даже при сохранении основных преемственных атрибутов внешнеполитического курса по отношению к Российской Федерации создала образ стагнации политического процесса. Несмотря на то что за весь период дивергенции политическая линия к России принципиально не изменилась, российский вопрос укрепил межэлитные противоречия. Показательно, что сегментированность Республиканской и Демократической партий выступила основой не для фрагментированного дискурса, а для глубокой разделительной линии, где фак-

⁵ Trump says he's pleased by Putin's praise: 'I like that he said that' // NBC News, 15.09.2023. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/trump-pleased-putins-praise-ukraine-russia-meet-the-press-rcna105298> (accessed: 14.07.2025); Specter of Putin casts a shadow over the Trump-Biden debate // CNBC, 28.06.2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/06/28/specter-of-putin-casts-a-shadow-over-the-trump-biden-debate.html> (accessed: 14.07.2025); *Huasheng Z.* Trump's 'Grand Bargain' With Russia Still a Mystery // Valdai, 17.03.2025. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/trump-s-grand-bargain-with-russia-still-a-mystery/> (accessed: 14.07.2025).

тор российского вмешательства сформировал противоречия во внешнеполитической риторике элит, а также способствовал поляризации внутреннего политического ландшафта. Разделение на консервативные и либеральные лагеря привело к ухудшению социального и межэлитного диалога и затруднениям в принятии решений по другим ключевым вопросам. В результате эмоциональные и идеологические разногласия закрепили противоположные позиции, обострив противоречия, что продолжает влиять на политическую культуру США.

* * *

Примеры санкционной политики ЕС и динамика элитных разногласий в США, касающихся отношений с Россией, демонстрируют, как межэлитные различия стимулируют формирование разделительных линий и напрямую влияют на характер политического процесса. Санкционный вектор, позиционирование в рамках внутренней политики и экономические связи становятся полем для конкуренции между элитными группами как внутри отдельных стран, так и на уровне наднациональных объединений, таких как Европейский союз. Эти процессы отражаются на характере внешнеполитических решений, принимаемых государствами, и укореняют межэлитные разногласия в ущерб консенсусу. Социально-политическим результатом становится дивергенция, осложняющая процесс принятия решений.

Рассмотрение межэлитной дивергенции через три стадии — сегментацию, фрагментацию и поляризацию — позволяет определить её особенности с учётом специфики взаимодействия элитных групп. Сегментация, отмечаемая на ранних этапах санкционного режима ЕС против России, сопровождается относительно низким уровнем разногласий: основные цели элит остаются согласованными, хотя выявляются расхождения по тактическим вопросам. Фрагментация, наблюдаемая на позднем этапе санкционной политики Брюсселя, становится проявлением более глубоких различий и приводит к серьёзному сокращению про-

странства сотрудничества. Поляризация, частично выраженная в политической системе США, выступает как крайняя форма дивергенции, где противоборствующие элитные группы, разделённые идеологией, фактически утрачивают способность к кооперации, что приводит к разрыву коммуникации и единства ценностей.

Тем не менее наличие даже серьёзных противоречий (разделительных линий) во внешней политике не является гарантией её провала или пересмотра. Сохранение санкций и преемственность политики по отношению к России даже при смене политического руководства сигнализировали о том, что политический процесс не сводится к простому соотношению конфликта с кооперацией. Он иллюстрирует градацию колеблющихся состояний, каждое из которых обладает своей конфигурацией признаков и не ведёт неизбежно к пересмотру долгосрочных трендов.

Классификация межэлитного взаимодействия на основе переменных согласованности, лидерства и интегрированности формирует аналитический инструмент для выявления потенциала сотрудничества или конфликта. Низкий уровень согласованности и интегрированности указывает на фрагментацию и обострение противоречий, тогда как оспаривание лидерства при низкой интегрированности зачастую служит предвестником поляризации. Системное использование этих переменных детализирует природу элитных линий раскола и даёт основание для моделирования направленности и устойчивости межэлитных связей.

Таким образом, сегментация, фрагментация и поляризация являются значимыми категориями анализа внешнеполитических предпочтений элит, позволяющими глубже понять, каким образом разногласия могут влиять на международные отношения. Обоснование факторов, способствующих межэлитной дивергенции, также открывает перспективы для последующего изучения механизмов воздействия на политические элиты как со стороны внутренних, так и внешних субъектов.

Список литературы

- Амуров М.А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. №5 (137). С. 19–28. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-5-19-28>
- Гаман-Голутвина О.В., Соловьёва Д.Д. Новая политическая элита Франции против старой системы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 60–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.05>
- Головин В.Г., Головина Е.Е. Элиты в современном социальном пространстве // Вопросы элитологии. 2023. Т. 4. №3. С. 13–45. doi: 10.46539/elit.v4i3.157
- Гребнев Р.Д. Стратегические направления внешней политики России в многополярном мире: геополитический подход // Социально-гуманитарные знания. 2023. №3. С. 124–128.
- Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №5. С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Дегтерёв Д.А. Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. №1. С. 141–152.
- Колосов В.А., Зотова М.В. Фрагментация политического пространства и динамизм современной системы границ // Политическая наука. 2022. №4. С. 67–89. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>
- Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. №4 (24). С. 123–150.
- Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. Т. 18. №2. С. 141–168. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.8>
- Москва Г. История политических доктрин. М.: Мысль, 2012. 326 с.
- Неймарк М.А. В поисках ускользающей реальности: Отношение политической элиты США к России // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2020. №4 (363). С. 66–77.
- Оськина О.И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. №3. С. 52–73. Doi: 10.46539/elit.v1i3.26
- Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
- Смакотина Н.Л., Волков А.В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. №1. С. 3–22. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-47-1-03-22
- Спартак А.Н., Французов В.В. Влияние антироссийских санкций на европейскую экономику // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. №12. С. 7–17. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-12-7-17>
- Сухоносков А.П. Политические элиты в условиях роста новой волны мирового кризиса // Вопросы элитологии. 2022. Т. 3. №2. С. 51–63. doi: 10.46539/elit.v3i2.104
- Чихачёв А.Ю. Российско-французские отношения при президенте Эммануэле Макроне: достижения и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. №1. С. 86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>
- Энтин М., Энтина Е., Бабкина С. Продовольственные и энергетические кризисы 2020-х годов как инструмент антироссийской политики стран Запада // Международные процессы. 2024. Т. 22. №1. С. 1–24. DOI:10.46272/IT.2024.22.1.76.2
- Alder S., Wang Y. Divide and Rule: How Political Elites Polarize Society // SSRN. 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=3769435> (accessed: 14.01.2025).
- Alexandrova S. Transformations in the Social Impact: Politics, Media, Social Networks // Postmodernism Problems. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 58–75. <https://doi.org/10.46324/PMP2101058>
- Almagro M. Political polarization: Radicalism and immune beliefs // Philosophy & Social Criticism. 2023. Vol. 49. No. 3. P. 309–331. <https://doi.org/10.1177/01914537211066859>
- Alvesson M. Leadership: Convergence and divergence in leadership relations // Journal of Management Inquiry. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 319–334. <https://doi.org/10.1177/1056492617717339>
- Arbatli E., Rosenberg D. United we stand, divided we rule: how political polarization erodes democracy // Democratization. 2021. Vol. 28. No. 2. P. 285–307. DOI:10.1080/13510347.2020.1818068
- Arriola L.R., Devaro J., Meng A. Democratic subversion: Elite cooptation and opposition fragmentation // American Political Science Review. 2021. Vol. 115. No. 4. P. 1358–1372. DOI:10.1017/S0003055421000629

- Böller F., Herr L.D.* From Washington without love: congressional foreign policy making and US-Russian relations under president Trump // *Contemporary Politics*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 17–37. DOI: 10.1080/13569775.2019.1617655
- Bolstad G., Riddervold M.* Polarization, Trump, and Transatlantic Relations // *The Perils of Populism: The End of the American Century?* / ed. by A. Akande. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. P. 195–219. DOI:10.1007/978-3-031-36343-6_8
- Borg S.* “A Battle for the Soul of This Nation”: How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America // *International Journal*. 2024. Vol. 79. No. 1. P. 22–39. <https://doi.org/10.1177/00207020241232986>
- Cheek T., Hamrin C.L.* Introduction: collaboration and conflict in the search for a new order // *China's Establishment Intellectuals* / ed. by T. Cheek, C. L. Hamrin. London; New York: Routledge, 2023. P. 3–20.
- Clayton K., Davis N.T., Nyhan B., Porter E., Ryan T.J., Wood T.J.* Elite rhetoric can undermine democratic norms // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 23. <https://doi.org/10.1073/pnas.2024125118>
- Cunningham J., Moore M.K.* Elite and mass foreign policy opinions: Who is leading this parade? // *Social Science Quarterly*. 1997. Vol. 78. No. 3. P. 641–656.
- Dahlberg L.* Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation // *New Media & Society*. 2007. Vol. 9. No. 5. P. 827–847. DOI: 10.1177/1461444807081228
- Dellmuth L., Tallberg J.* Legitimacy politics: Elite communication and public opinion in global governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 260 p. <https://doi.org/10.1017/9781009222020>
- Dijkstra H., Debre M.J.* The death of major international organizations: When institutional stickiness is not enough // *Global Studies Quarterly*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 1–13. DOI:10.1093/isagsq/ksac048
- Domingues J.M.* Power and rule, civilisations and the modern political dimension: parallelism, convergence and divergence in social evolution // *International Review of Sociology*. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 174–199. <https://doi.org/10.1080/03906701.2022.2028404>
- Engelstad F.* Democratic elitism—conflict and consensus // *Comparative Sociology*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 383–401. DOI:10.1163/156913309X447585
- French J.* The importance of segmentation in social marketing strategy // *Segmentation in Social Marketing: Process, Methods and Application* / ed. by T. Dietrich, S. Rundle-Thiele, K. Kubacki. Cham: Springer, 2017. P. 25–40. DOI:10.1007/978-981-10-1835-0_3
- Friedman S., Reeves A.* From aristocratic to ordinary: Shifting modes of elite distinction // *American Sociological Review*. 2020. Vol. 85. No. 2. P. 323–350. <https://doi.org/10.1177/0003122420912941>
- Fukai S.N., Fukui H.* Elite recruitment and political leadership // *PS: Political Science & Politics*. 1992. Vol. 25. No. 1. P. 25–36.
- Green J., Edgerton J., Naftel D., Shoub K., Cranmer S.J.* Elusive consensus: Polarization in elite communication on the COVID-19 pandemic // *Science Advances*. 2020. Vol. 6. No. 28. DOI: 10.1126/sciadv.abc2717
- Henriksen L.F., Seabrooke L.* Elites in transnational policy networks // *Global Networks*. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 217–237. <https://doi.org/10.1111/glob.12301>
- Higley J.* Elites, non-elites, and political realism: Diminishing futures for western societies. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021. 176 p.
- Higley J., Burton M.G.* Elite foundations of liberal democracy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. 229 p.
- Higley J., Burton M.G.* The elite variable in democratic transitions and breakdowns // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. No. 1. P. 17–32. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.245-268>
- Hill C.* Elites in European foreign policy-making: Consensus and competition // *Review of Sociology*. 2008. Vol. 14. No. 1. P. 93–102. DOI:10.1556/RevSoc.14.2008.5
- Hooghe L. et al.* The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine // *European Union Politics*. 2024. Vol. 25. No. 3. P. 459–482. <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>
- Jackson D., Jolly S.* A new divide? Assessing the transnational-nationalist dimension among political parties and the public across the EU // *European Union Politics*. 2021. Vol. 22. No. 2. P. 316–339. <https://doi.org/10.1177/1465116520988915>
- Kascian K., Denisenko V., Matonyté I.* Baltic States' EU membership: discursive search for (and failure to obtain) farewell from Russia // *Journal of Contemporary European Studies*. 2024. P. 1–16. DOI: 10.1080/14782804.2024.2349250
- Keller F.B.* Analyses of elite networks // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 135–152. DOI: 10.1057/978-1-137-51904-7_11
- Kertzer J.D., Renshon J.* Experiments and surveys on political elites // *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 529–550. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-013649>

- Kertzer J.D., Zeitzoff T.* A bottom-up theory of public opinion about foreign policy // *American Journal of Political Science*. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 543–558. <https://doi.org/10.7910/DVN/QSXDUN>
- Khudoley K.K., Kolotaev Y.Y.* Dividing Lines in the EU's Common Foreign Policy: Russia as a polarising factor // *Baltic Region*. 2024. Vol. 16. No. 3. P. 87–107. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-5
- Körösényi A.* Political elites and democracy // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 41–52.
- Lamoso-González P.* Revisiting liberal intergovernmentalism in CFSP: preference formation and the EEAS // *Contemporary Politics*. 2024. Vol. 31. No. 3. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2387433>
- Lebedeva M.* Introduction. Transformation of the Political Organization of the World // *Turning Points of World Transformation: New Trends, Challenges and Actors* / ed. by M. Lebedeva, V. Morozov. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 3–14. DOI: 10.1007/978-981-19-1758-5_1
- Loizides N.G.* Elite framing and conflict transformation in Turkey // *Parliamentary Affairs*. 2009. Vol. 62. No. 2. P. 278–297. DOI: 10.1093/pa/gsn038
- Lupton D.L., Webb C.* Wither elites? The role of elite credibility and knowledge in public perceptions of foreign policy // *International Studies Quarterly*. 2022. Vol. 66. No. 3. DOI: 10.1093/isq/sqac057
- Makarychev A., Terry G.S.* An Estranged 'marriage of convenience': Salvini, Putin, and the intricacies of Italian-Russian relations // *Contemporary Italian Politics*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 23–42. DOI: 10.1080/23248823.2019.1706926
- Matsumoto T., Okazaki T.* Elite mobility and continuity during a regime change // *The British Journal of Sociology*. 2023. Vol. 74. No. 2. P. 205–221. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13000>
- Maynard J.L., Mildenerger M.* Convergence and divergence in the study of ideology: A critical review // *British Journal of Political Science*. 2018. Vol. 48. No. 2. P. 563–589. DOI: 10.1017/S0007123415000654
- Merkley E.* Polarization eh? Ideological divergence and partisan sorting in the Canadian mass public // *Public Opinion Quarterly*. 2022. Vol. 86. No. 4. P. 932–943. <https://doi.org/10.31219/osf.io/cnzer>
- Michels R.* Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. London; NY: Routledge, 1999. 266 p.
- Myrick R.* Do external threats unite or divide? Security crises, rivalries, and polarization in American foreign policy // *International Organization*. 2021. Vol. 75. No. 4. P. 921–958. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
- Najimdeen B.* The Reconstruction of European Political and Public Sphere through a Constructivist Paradigm // *Journal of European Studies (JES)*. 2016. Vol. 32. No. 2. P. 1–17.
- Pertiwi L.A.* The EU's Approach to Sanctions on Russia: A Critical Analysis of the Existing Literature // *Central European Journal of International & Security Studies*. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 61–86. DOI: <https://doi.org/10.51870/NOEX4475>
- Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D.* Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia // *Journal of European Integration*. 2021. Vol. 43. No. 6. P. 683–699. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
- Rogowski J.C., Sutherland J.L.* How ideology fuels affective polarization // *Political Behavior*. 2016. Vol. 38. P. 485–508. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9323-7>
- Romanova T.A.* In Different Languages 2.0 // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 72–92. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-72-92
- Sanders J.* Shaping the Cold War Consensus: The Soviet Threat, Interelite Conflict, and Mass Politics in the Korean War Era // *Berkeley Journal of Sociology*. 1980. Vol. 24. P. 67–136.
- Saunders E.N.* Elites in the making and breaking of foreign policy // *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 219–240. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-103330>
- Schäfer M.S., Metag J.* Audiences of science communication between pluralisation, fragmentation and polarisation // *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology* / ed. by M. Bucchi, B. Trench. London; New York: Routledge, 2021. P. 291–304. <https://doi.org/10.4324/9781003039242>
- Schultz K.A.* Perils of polarization for US foreign policy // *The Washington Quarterly*. 2017. Vol. 40. No. 4. P. 7–28. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2017.1406705>
- Shakleina T., Rogers R.* Historical Trajectory of the US-Russia Relationship. Perception and Misperception // *Fletcher Security Review*. 2018. Vol. 5.
- Shavitt S., Jiang D., Cho H.* Stratification and segmentation: Social class in consumer behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 2016. Vol. 26. No. 4. P. 583–593. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2016.08.005>
- Singh R.S.* The Biden and Trump Doctrines in Comparative Perspective // *Presidential Leadership and Foreign Policy: Comparing the Trump and Biden Doctrines* / ed. by S. A. Renshon, P. Suedfeld. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 17–39. https://doi.org/10.1007/978-3-031-52799-9_2

- Sjursen H., Rosén G.* Arguing sanctions. On the EU's response to the crisis in Ukraine // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2017. Vol. 55. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.1111/jcms.12443
- Stolle D.* Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans? // *European Political Science*. 2024. Vol. 23. P. 218–233. <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
- Woods M.* Rethinking elites: networks, space, and local politics // *Environment and Planning A*. 1998. Vol. 30. No. 12. P. 2101–2119. <https://doi.org/10.1068/a302101>
- Ziegler C.E.* International dimensions of electoral processes: Russia, the USA, and the 2016 elections // *International Politics*. 2018. Vol. 55. No. 5. P. 557–574. DOI: 10.1057/s41311-017-0113-1

THE THEORY OF POLITICAL ELITE DIVERGENCE *SHAPING DIVIDING LINES IN THE WEST'S FOREIGN POLICIES TOWARDS RUSSIA**

KONSTANTIN KHUDOLEY
YURY KOLOTAEV
GRIGORY YARYGIN
EVGENII KOLOSKOV

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russia

Abstract

Heightened uncertainty and conflictual environment fuel disintegration within political elites around the globe. These processes of "inter-elite divergence" give rise to dividing lines in foreign policy. Divergence unfolds through three stages: segmentation, fragmentation, and polarization. Segmentation refers to the division of elites into distinct clusters, with communication channels still intact. Fragmentation indicates a deeper rift, with sustained interaction diminishing and cooperation becoming increasingly limited. Polarization is marked by a complete breakdown of dialogue and the emergence of mutually exclusive positions. To assess each stage systematically, the article proposes an analytical framework based on three key variables: coherence, leadership, and integrity. This classification helps to avoid simplifications when estimating the state of elites. Applying this framework, the paper seeks to analyze patterns of elite divergence in the European Union and the United States, focusing particularly on disagreements over policy toward Russia. Between 2014 and 2022, EU elites experienced segmentation and fragmentation as regards sanctions policy – yet these divisions did not result in policy reversal. Signs of polarization in the U.S., partially triggered by dividing lines regarding relations with Russia, were more pronounced in domestic politics. Despite external contradictions, the overall US policy maintained its continuity. These cases demonstrate that the theory of divergence not only allows for capturing the "depth" of discursive differences, but also highlights that contradictions do not predetermine the inevitability of political dysfunction. By incorporating the concept of divergence stages, the analysis moves beyond the conventional dichotomy of "conflict – cooperation" when it comes to inter-elite interaction.

Keywords:

divergence; elites; dividing lines; segmentation; fragmentation; polarization; foreign policy; Russia

References

- Alder S., Wang Y. (2022). *Divides and rule: How political elites polarize society*. SSRN. <https://ssrn.com/abstract=3769435> (accessed: 14.01.2025).
- Alexandrova S. (2021). Transformations in the Social Impact: Politics, Media, Social Networks. *Postmodernism Problems*. Vol. 11. No. 1. P. 58–75. <https://doi.org/10.46324/PMP2101058>
- Almagro, M. (2023). Political polarization: Radicalism and immune beliefs. *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 49. No. 3. P. 309–331. <https://doi.org/10.1177/01914537211066859>
- Alvesson, M. (2019). Leadership: Convergence and divergence in leadership relations. *Journal of Management Inquiry*. Vol. 28. No. 3. P. 319–334. <https://doi.org/10.1177/1056492617717339>
- Amurov M.A. (2020). Tipologiya sovremennykh politicheskikh elit [Typology of contemporary political elites]. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. No. 5(137). P. 19–28. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-5-19-28>
- Arbatli E., Rosenberg D. (2021). United we stand, divided we rule: how political polarization erodes democracy. *Democratization*. Vol. 28. No. 2. P. 285–307. DOI:10.1080/13510347.2020.1818068
- Arriola L.R., Devaro J., Meng A. (2021). Democratic subversion: Elite cooptation and opposition fragmentation. *American Political Science Review*. Vol. 115. No. 4. P. 1358–1372. DOI: 10.1017/S0003055421000629
- Böller F., Herr L.D. (2020). From Washington without love: congressional foreign policy making and US-Russian relations under president Trump. *Contemporary Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 17–37. DOI: 10.1080/13569775.2019.1617655
- Bolstad G., Riddervold M. (2023). Polarization, Trump, and Transatlantic Relations. In: A. Akande (ed.) *The Perils of Populism: The End of the American Century?* Cham: Springer Nature Switzerland. P. 195–219. DOI: 10.1007/978-3-031-36343-6_8
- Borg S. (2024). “A Battle for the Soul of This Nation”: How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America. *International Journal*. Vol. 79. No. 1. P. 22–39. <https://doi.org/10.1177/00207020241232986>
- Cheek T., Hamrin C.L. (2023). Introduction: collaboration and conflict in the search for a new order. In: T. Cheek, C.L. Hamrin (eds) *China's Establishment Intellectuals*. London; New York: Routledge. P. 3–20.
- Chikhachev A.Y. (2022). Rossiysko-frantsuzskie otnosheniya pri prezidente Emmanyuele Makrone: dostizheniya i protivorechiya [Russian-French relations under President Emmanuel Macron: Achievements and contradictions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 15. No. 1. P. 86–104. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.106>
- Clayton K., Davis N.T., Nyhan B., Porter E., Ryan T.J., Wood T.J. (2021). Elite rhetoric can undermine democratic norms. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 118. No. 23. <https://doi.org/10.1073/pnas.2024125118>
- Cunningham J., Moore M.K. (1997). Elite and mass foreign policy opinions: Who is leading this parade? *Social Science Quarterly*. Vol. 78. No. 3. P. 641–656.
- Dahlberg L. (2007). Rethinking the fragmentation of the cyberpublic: from consensus to contestation. *New Media & Society*. Vol. 9. No. 5. P. 827–847. DOI: 10.1177/1461444807081228
- Degtarev D.A. (2016). Raspredeleniye kulturnykh norm i tsennostey: agentnoye modelirovaniye [The spread of cultural norms and values: Agent-based modeling]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1. P. 141–152.
- Dellmuth L., Tallberg J. (2023). *Legitimacy politics: Elite communication and public opinion in global governance*. Cambridge: Cambridge University Press. 260 p. <https://doi.org/10.1017/9781009222020>
- Dijkstra H., Debre M.J. (2022). The death of major international organizations: When institutional stickiness is not enough. *Global Studies Quarterly*. Vol. 2. No. 4. P. 1–13. DOI:10.1093/isagsq/ksac048
- Domingues J.M. (2022). Power and rule, civilisations and the modern political dimension: parallelism, convergence and divergence in social evolution. *International Review of Sociology*. Vol. 32. No. 1. P. 174–199. <https://doi.org/10.1080/03906701.2022.2028404>
- Engelstad F. (2009). Democratic elitism—conflict and consensus. *Comparative Sociology*. Vol. 8. No. 3. P. 383–401. DOI:10.1163/156913309X447585
- Entin M., Entina E., Babkina S. (2024). Prodovol'stvennyye i energeticheskie krizisy 2020-kh godov kak instrument antirossiyskoy politiki stran Zapada [The food and energy crises of the 2020s as a tool of anti-Russian policies of Western countries]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 22. No. 1. P. 1–24. DOI: 10.46272/IT.2024.22.1.76.2
- French J. (2017). The importance of segmentation in social marketing strategy. In: T. Dietrich, S. Rundle-Thiele, K. Kubacki (eds) *Segmentation in Social Marketing: Process, Methods and Application*. Cham: Springer. P. 25–40. DOI: 10.1007/978-981-10-1835-0_3

- Friedman S., Reeves A. (2020). From aristocratic to ordinary: Shifting modes of elite distinction. *American Sociological Review*. Vol. 85. No. 2. P. 323–350. <https://doi.org/10.1177/0003122420912941>
- Fukai S.N., Fukui H. (1992). Elite recruitment and political leadership. PS: Political Science & Politics. Vol. 25. No. 1. P. 25–36.
- Gaman-Golutvina O.V., Soloveva D.D. (2021). Novaya politicheskaya elita Frantsii protiv staroy sistemy rekrutirovaniya [France's New Political Elite Against the Old Recruitment System]. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 60–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.05>
- Golovin V.G., Golovina E.E. (2023). Elity v sovremennom sotsial'nom prostranstve [Elites in the modern social space]. *Voprosy elitologii*. Vol. 4. No. 3. P. 13–45. doi: 10.46539/elit.v4i3.157
- Grebnev R.D. (2023). Strategicheskiye napravleniya vneshney politiki Rossii v mnogopol'yarnom mire: geopoliticheskiy podkhod [Strategic directions of Russia's foreign policy in a multipolar world: A geopolitical approach]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 3. P. 124–128.
- Green J., Edgerton J., Naftel D., Shoub K., Cranmer S.J. (2020). Elusive consensus: Polarization in elite communication on the COVID-19 pandemic. *Science Advances*. Vol. 6. No. 28. DOI: 10.1126/sciadv.abc2717
- Gromyko A.A. (2020). Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The pandemic and the crisis of the international relations system]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 13. No. 5. P. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Henriksen L.F., Seabrooke L. (2021). Elites in transnational policy networks. *Global Networks*. Vol. 21. No. 2. P. 217–237. <https://doi.org/10.1111/glob.12301>
- Higley J., Burton M.G. (1989). The elite variable in democratic transitions and breakdowns. *American Sociological Review*. Vol. 54. No. 1. P. 17–32. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.245-268>
- Higley J., Burton M.G. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield. 229 p.
- Higley J. (2021). *Elites, non-elites, and political realism: Diminishing futures for western societies*. Lanham: Rowman & Littlefield. 176 p.
- Hill C. (2008). Elites in European foreign policy-making: Consensus and competition. *Review of Sociology*. Vol. 14. No. 1. P. 93–102. DOI:10.1556/RevSoc.14.2008.5
- Hooghe L. et al. (2024). The Russian threat and the consolidation of the West: How populism and EU-skepticism shape party support for Ukraine. *European Union Politics*. Vol. 25. No. 3. P. 459–482. <https://doi.org/10.1177/14651165241237136>
- Jackson D., Jolly S. (2021). A new divide? Assessing the transnational-nationalist dimension among political parties and the public across the EU. *European Union Politics*. Vol. 22. No. 2. P. 316–339. <https://doi.org/10.1177/1465116520988915>
- Kascian K., Denisenko V., Matonytė I. (2024). Baltic States' EU membership: discursive search for (and failure to obtain) farewell from Russia. *Journal of Contemporary European Studies*. P. 1–16. DOI: 10.1080/14782804.2024.2349250
- Keller F.B. (2018). Analyses of elite networks. In: H. Best, J. Higley (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 135–152. DOI: 10.1057/978-1-137-51904-7_11
- Kertzer J.D., Renshon J. (2022). Experiments and surveys on political elites. *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. No. 1. P. 529–550. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-013649>
- Kertzer J.D., Zeitzoff T. (2017). A bottom-up theory of public opinion about foreign policy. *American Journal of Political Science*. Vol. 61. No. 3. P. 543–558. <https://doi.org/10.7910/DVN/QSXDUN>
- Khudoley K.K., Kolotaev Y.Y. (2024). Dividing Lines in the EU's Common Foreign Policy: Russia as a polarising factor. *Baltic Region*. Vol. 16. No. 3. P. 87–107. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-5
- Kolosov V.A., Zotova M.V. (2022). Fragmentatsiya politicheskogo prostranstva i dinamizm sovremennoy sistemy granits [Fragmentation of political space and the dynamics of the modern system of borders]. *Politicheskaya nauka*. No. 4. P. 67–89. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>
- Körösényi A. (2018). Political elites and democracy. In: H. Best, J. Higley (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 41–52.
- Lamoso-González P. (2024). Revisiting liberal intergovernmentalism in CFSP: preference formation and the EEAS. *Contemporary Politics*. Vol. 31. No. 3. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2387433>
- Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2021). Fenomen gruppovoy polarizatsii v politologii i politicheskoy psikhologii SShA i Evropy [The phenomenon of group polarization in the political science and political psychology of the USA and Europe]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. Vol. 6. No. 4 (24). P. 123–150.
- Lebedeva M. (2022). Introduction. Transformation of the Political Organization of the World. In: M. Lebedeva, V. Morozov (eds) *Turning Points of World Transformation: New Trends, Challenges and Actors*. Singapore: Springer Nature. P. 3–14. DOI:10.1007/978-981-19-1758-5_1

- Loizides N.G. (2009). Elite framing and conflict transformation in Turkey. *Parliamentary Affairs*. Vol. 62. No. 2. P. 278–297. DOI:10.1093/pa/gsn038
- Lupton D.L., Webb C. (2022). Wither elites? The role of elite credibility and knowledge in public perceptions of foreign policy. *International Studies Quarterly*. Vol. 66. No. 3. DOI: 10.1093/isq/sqac057
- Makarychev A., Terry G.S. (2020). An Estranged 'marriage of convenience': Salvini, Putin, and the intricacies of Italian-Russian relations. *Contemporary Italian Politics*. Vol. 12. No. 1. P. 23–42. DOI: 10.1080/23248823.2019.1706926
- Matsumoto T., Okazaki T. (2023). Elite mobility and continuity during a regime change. *The British Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 2. P. 205–221. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13000>
- Maynard J.L., Mildenerger M. (2018). Convergence and divergence in the study of ideology: A critical review. *British Journal of Political Science*. Vol. 48. No. 2. P. 563–589. DOI: 10.1017/S0007123415000654
- Merkley E. (2022). Polarization eh? Ideological divergence and partisan sorting in the Canadian mass public. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 86. No. 4. P. 932–943. <https://doi.org/10.31219/osf.io/cnzer>
- Michels R. (1999). *Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy*. London; NY: Routledge. 266 p.
- Mizin V.I. (2020). Novye kontury strategicheskoy stabil'nosti v global'noy mnogopolyarnoy konkurentsii [New contours of strategic stability in global multipolar competition]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 2. P. 141–168. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.2.61.8>
- Mosca G. (2012). *Istoriya politicheskikh doktrin* [History of Political Doctrines]. Moscow: Mysl. 326 p.
- Myrick R. (2021). Do external threats unite or divide? Security crises, rivalries, and polarization in American foreign policy. *International Organization*. Vol. 75. No. 4. P. 921–958. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818321000175>
- Najimdeen B. (2016). The Reconstruction of European Political and Public Sphere through a Constructivist Paradigm. *Journal of European Studies (JES)*. Vol. 32. No. 2. P. 1–17.
- Neimark M.A. (2020). V poisakh uskol'zayushchey real'nosti: Otnosheniye politicheskoy elity SShA k Rossii [In search of elusive reality: The attitude of the US political elite towards Russia]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel'-Observer*. No. 4(363). P. 66–77.
- Oskina O.I. (2020). Transformatsionnye peremennye politicheskoy kultury sovremennoy politicheskoy elity [Transformational variables of the political culture of the modern political elite]. *Voprosy elitologii*. Vol. 1. No. 3. P. 52–73. DOI: 10.46539/elit.v1i3.26
- Pareto V. (2011). *Transformatsiya demokratii* [Transformation of Democracy]. Moscow: Territory of the Future. 208 p.
- Pertivi L.A. (2024). The EU's Approach to Sanctions on Russia: A Critical Analysis of the Existing Literature. *Central European Journal of International & Security Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 61–86. DOI: <https://doi.org/10.51870/NOEX4475>
- Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. (2021). Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia. *Journal of European Integration*. Vol. 43. No. 6. P. 683–699. <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1803854>
- Rogowski J.C., Sutherland J.L. (2016). How ideology fuels affective polarization. *Political Behavior*. Vol. 38. P. 485–508. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9323-7>
- Romanova T.A. (2024). In Different Languages 2.0. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22. No. 1. P. 72–92. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-72-92
- Sanders J. (1980). Shaping the Cold War Consensus: The Soviet Threat, Interelite Conflict, and Mass Politics in the Korean War Era. *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 24. P. 67–136.
- Saunders E.N. (2022). Elites in the making and breaking of foreign policy. *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. No. 1. P. 219–240. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-103330>
- Schäfer M.S., Metag J. (2021). Audiences of science communication between pluralisation, fragmentation and polarization. In: M. Bucchi, B. Trench (eds) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London; New York: Routledge. P. 291–304. <https://doi.org/10.4324/9781003039242>
- Schultz K. A. (2017). Perils of polarization for US foreign policy. *The Washington Quarterly*. Vol. 40. No. 4. P. 7–28. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2017.1406705>
- Shakleina T., Rogers R. (2018). Historical Trajectory of the US-Russia Relationship. Perception and Misperception. *Fletcher Security Review*. Vol. 5.
- Shavitt S., Jiang D., Cho H. (2016). Stratification and segmentation: Social class in consumer behavior. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 26. No. 4. P. 583–593. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2016.08.005>

- Singh R.S. (2024). The Biden and Trump Doctrines in Comparative Perspective. In: S. A. Renshon, P. Suedfeld (eds) *Presidential Leadership and Foreign Policy: Comparing the Trump and Biden Doctrines*. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 17–39. https://doi.org/10.1007/978-3-031-52799-9_2
- Sjursen H., Rösén G. (2017). Arguing sanctions. On the EU's response to the crisis in Ukraine. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 55. No. 1. P. 20–36. DOI: 10.1111/jcms.12443
- Smakotina N.L., Volkov A.V. (2024). Transformatsiya mirovogo poryadka v usloviyakh mezhdunarodnoy nestabil'nosti: otkrytyy mir i sinergiya tsivilizatsiy [Transformation of the world order under conditions of international instability: Open world and synergy of civilizations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-47-1-03-22
- Spartak A.N., Frenchuzov V.V. (2022). Vliyanie antirossiyskikh sanktsiy na yevropeyskuyu ekonomiku [The impact of anti-Russian sanctions on the European economy]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. No. 12. P. 7–17. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-12-7-17>
- Stolle D. (2024). Aiding Ukraine in the Russian war: unity or new dividing line among Europeans? *European Political Science*. Vol. 23. P. 218–233. <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00444-7>
- Suhonosov, A.P. (2022). Politicheskie elity v usloviyakh rosta novoy volny mirovogo krizisa [Political elites in the context of the growth of a new wave of the global crisis]. *Issues in Elitology*. Vol. 3. No. 2. P. 51–63. DOI: 10.46539/elit.v3i2.104.
- Woods M. (1998). Rethinking elites: networks, space, and local politics. *Environment and Planning A*. Vol. 30. No. 12. P. 2101–2119. <https://doi.org/10.1068/a302101>
- Ziegler C.E. (2018). International dimensions of electoral processes: Russia, the USA, and the 2016 elections. *International Politics*. Vol. 55. No. 5. P. 557–574. DOI:10.1057/s41311-017-0113-1